

Новая архитектура Ближнего Востока

Что на самом деле запускает план Трампа?

Ближний Восток снова замирает на пороге перемен - но на этот раз ставки несравнимо выше. Принятая Совбезом ООН инициатива, уже окрещенная планом Трампа, впервые за долгие годы распаивает дверь перед масштабной перестройкой Газы: демилитаризация, международный контингент, экономическое восстановление и, пусть пока едва различимая, но все же реальная перспектива палестинской государственности.

Израиль встречает эти решения с тревожно-светлой надеждой. Страна балансирует между страхом и уста-

лостью, спором и ожиданием. Внутренние политические разломы становятся глубже, региональные союзы мерцают на грани перестро-

вания, а мировые силы стремятся перехватить инициативу, пытаясь сформировать новую архитектуру безопасности.

Новая архитектура Ближнего Востока

ЭКСКЛЮЗИВ

Что же скрывается за резолюцией ООН? Готов ли Израиль уступить место международному присутствию в Газе? Разрывает ли «план Трампа» израильскую политику или, напротив, открывает дорогу к новой интеграции в регионе? И появится ли в ближневосточном узле та самая «третья сила», способная взять ответственность за будущее Газы после ХАМАС?

Об этом - в эксклюзивном интервью с израильским общественным деятелем и политическим обозревателем Юрием Лагуниным.

- План Трампа принят, резолюция СБ ООН одобрена, международный контингент готовится к размещению в Газе. Как вы считаете, станет ли это началом фактического внешнего управления сектором? И готов ли Израиль к тому, что безопасность Газы частично перейдет в руки международной коалиции?

- Начну, пожалуй, со второй части вашего вопроса - с самой коалиции. Формально она должна быть определена в ближайшее время, однако на практике ее, по сути, пока нет. Страны, выразившие готовность участвовать, испытывают серьезные сомнения: речь идет не только о рисках безопасности, но и о понимании того, насколько устойчивым окажется сам мирный процесс.

Каждая из потенциальных стран-участниц выдвигает свои условия, требующие обсуждения и согласования. Это делает процесс формирования коалиции крайне медленным и, честно говоря, импровизационным - все происходит «на коленях». И связано это в первую очередь с тем, что мирный процесс остается шатким и наполненным непредсказуемыми факторами.

Мы видим нарушения со стороны палестинской администрации, понимаем риски для Израиля, а также сталкиваемся с нерешенными вопросами - например, где именно пройдут границы буферной зоны и какие полномочия будет иметь международный контингент. Все это говорит о том, что идея внешнего управления пока что крайне сырая. Ее еще предстоит довести до логически выстроенной и реализуемой модели.

Безусловно, я надеюсь, что в итоге будут определены и конкретные страны-участницы, и сам механизм того, как их присутствие будет имплементировано непосредственно на территории анклава. Но все же я бы не стал проявлять излишний оптимизм и не могу уверенно утверждать, что эта конструкция быстро приобретет заверченный вид.

Остается слишком много точек соприкосновения, по которым сторонам еще только предстоит договориться - причем в самые кратчайшие сроки. Именно от этого будет зависеть, сможет ли международная схема вообще заработать и насколько эффективно она будет обеспечивать безопасность на земле.

- В документ впервые за долгое время официально включено положение о перспективах палестинской государственности, что вызвало раскол внутри израильской коалиции. Не окажется ли так, что, поддержав резолюцию, Израиль согласился на дипломатический «сдвиг тектонических плит», который изменит баланс сил на десятилетия вперед?

- На самом деле серьезных идеологических противоречий внутри Израиля по этому поводу нет. Различия позиций - скорее отражение исторического опыта, который Израиль переживал десятилетиями во взаимоотношениях с палестинской стороной. Израиль неоднократно шел навстречу, предлагал механизмы сосуществования, поддерживал форматы диалога. Но каждый раз, когда он протягивал руку, взамен получал теракты и убий-

⇒ 1

ства. Именно это и сформировало сегодняшнее глубокое недоверие.

Израиль в принципе не возражал бы против создания палестинской автономии или иной юридически выверенной конфигурации управления анклавом. Но существует красная линия, которую страна не перейдет ни при каких условиях. И речь идет о том, что сектор долгие годы контролировали террористические структуры, ответственные за многочисленные преступления. С израильской точки зрения, если власть в Газе снова окажется в руках сил, настроенных не просто антиизраильски, а радикально и террористически, то никакая модель государственности не будет жизнеспособной и безопасной.

Именно отсутствие гарантий безопасности создает внутренний политический разлом. Одни силы считают, что нужно использовать дипломатическое окно возможностей, другие - что любое движение в сторону признания государственности при нынешних условиях создает угрозу самим основам израильской безопасности.

Поэтому, если снять эту «болеую точку» - вопрос того, кто будет управлять Газой и насколько эта власть будет де-факто демилитаризована и лишена террористического влияния, - то в дальнейшем Израиль вполне может пересматривать концепции, которые сейчас кажутся невозможными. В этом смысле речь идет не о «тектоническом сдвиге», а об ожидании реальных гарантий, без которых любая дипломатия превращается в пустую декларацию.

- План Трампа предполагает демилитаризацию Газы, ликвидацию ХАМАС и создание переходных органов управления. Как вы считаете, кто в реальности может взять под контроль постхамасовскую Газу - арабы, международная коалиция, сам Израиль или в итоге появится «третья сила»?

- Вопрос в том, что любая сила, которая сможет взять на себя управление постхамасовской Газой, должна обладать не только ресурсами, но и политической легитимностью. И в этом контексте появление «третьей силы», о которой вы спрашиваете, сегодня невозможно без участия самого Трампа.

Именно гарантии Трампа, его политическая воля к завершению конфликта и стремление развивать региональную архитектуру мира по логике Авраамовых соглашений создают тот фундамент, на котором может появиться новый управленческий центр для Газы. Неважно, будет ли это арабская группа стран, международная коалиция или гибридный формат - критически важным остается одно: кто готов

взять ответственность и выполнять обязательства, а не только произносить декларации.

Трам эту ответственность на себя уже взял. Израиль, при всех внутренних разногласиях, тоже готов брать ответственность - прежде всего в вопросах безопасности. И если появится сила, которая сможет сделать то же самое, взять на себя реальные гарантии и удержать их, - тогда мы действительно будем стоять на пороге новой реальности на Ближнем Востоке.

- Ультрараправые министры обвиняют Нетаньяху в том, что он «уступил» международному давлению. Каковы ваши прогнозы: станет ли эта резолюция катализатором правительственного кризиса в Израиле, способным изменить политический ландшафт страны?

- В значительной степени события в Израиле будут определяться не только внутренней политикой, но и ходом мирного процесса. Израиль уже пережил немало серьезных экономических и политических кризисов. И хотя порой казалось, что каждый новый кризис способен обрушить правительство или радикально изменить политический ландшафт, страна неизменно возвращалась к стабильности.

Сегодня борьба правых и левых сил скорее условна: в Израиле есть четко выстроенная система коалиция-оппозиция, где каждая сторона отстаивает

свои платформы - политические, социальные, экономические. Но когда речь заходит о жизненно важных решениях, необходимое большинство все равно находится, и страна способна принимать ключевые решения, даже несмотря на противоречия.

Поэтому, несмотря на резолюцию ООН, вопросы, связанные с палестинской автономией, Газой и мирным процессом, вряд ли приведут к политическому кризису, способному вызвать серьезные изменения в управлении или дестабилизировать страну.

- Несмотря на внутренний раскол, Тель-Авив приветствовал резолюцию и говорит о «новой эпохе интеграции Израиля и арабских стран». Считаете ли вы, что мирный план Трампа способен дать новый импульс Авраамовым соглашениям, или регион рискует получить еще одну «мирную архитектуру на бумаге»?

- Как я уже отмечал, процесс расширения числа стран, участвующих в Авраамовых соглашениях, играет очень позитивную роль и задает динамику для всего Ближнего Востока. Мы видим экономические изменения в Сирии, активизацию взаимодействия Израиля с Египтом, улучшение отношений с Иорданией. Даже если государства критикуют Израиль или расходятся во мнениях по отдельным вопросам, в целом для всех очевидно: мир всегда лучше войны.

Торговля, инвестиции, совместные проекты стимулируют страны находить компромиссы и создавать условия для устойчивого развития. Ближний Восток - чрезвычайно чувствительная и исторически конфликтная зона, поэтому каждый шаг к сотрудничеству имеет колоссальное значение. Расширение числа стран, готовых участвовать, создает эффект домино: положительные примеры работы мирного процесса вдохновляют остальных и постепенно формируют реальную архитектуру стабильности, а не лишь декларативную бумажную модель.

Абульфаз БАБАЗАДЕ,
специально для газеты
«Бакинский рабочий»

Юрий Лагунин:

Ближний Восток - чрезвычайно чувствительная и исторически конфликтная зона, поэтому каждый шаг к сотрудничеству имеет колоссальное значение